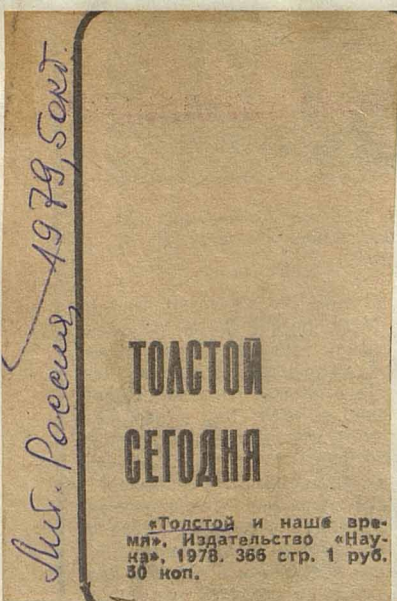

ПОСЛЕ полосы популяризаторских статей к 150-летию со дня рождения Л. Н. Толстого стали появляться и подготовленные к этой дате солидные работы, посвященные великому писателю. К их числу принадлежит сборник «Толстой и наше время», изданный Институтом мировой литературы АН СССР. Редколлегией сборника поставлена сложная, но интересная задача: выяснить роль Л. Н. Толстого в духовной жизни наших современников, охарактеризовать воздействие писателя на мировой литературный процесс.

Книга (в нее вошли работы восемнадцати авторов) открывается статьей К. Ломунова «Ленинская концепция Толстого и ее современное значение», в которой живо и убедительно характеризуется противоречивая личность Толстого и рассматриваются принципиальные положения ленинских статей о великом русском писателе.

Авторы сборника с различной степенью чувства меры (и надо признать, не одинаково успешно) сопоставляют художественные произведения Толстого и писателей, испытавших его творческое воздействие (среди которых — Фолкнер и Хемингуэй, Томас Манн и Пруст). Интересна статья К. Рехо, написанная на малоработанную тему «Лев Толстой и проблемы современного японского романа». Заслуживает внимания очерк А. Пиотровской «Писатели народной Польши и Толстой», где речь идет о значении творчества и личности Толстого для крупных польских писателей Леона Кручковского и Ярослава Ивашкевича.

Следует, по-моему, несколько подробнее остановиться на статье

Р. Филипчиковой «Толстой и трилогия Владимира Минача «Поколение», поскольку в ней особенно рельефно проявились и достоинства, и отдельные недостатки этой книги.

В очерке мы находим совершенно правильные положения о характере творческого воздействия Толстого и о понимании словацким писателем принципов освоения традиций.

Конкретные же сопоставления не всегда хорошо обоснованы, порой поспешны, поверхностны. Р. Филипчикова сравнивает начала «Поколения» и «Войны и мира». Но по изображению пьяного безобразия начало романа Минача скорее уже напоминает пирушку у Анатоля Курагина, нежели чинный салон фрейлины императрицы А. П. Шерер. Поверхностно сопоставляется небо над Андреем Болконским, раненным в битве при Аустерлице (у Толстого это символ покоя, тишины, величия природы, противопоставляемый человеческой суете), и черное ночное небо над пришедшим в сознание после взрыва поезда капитаном Лабудой (в трилогии Минача оно просто элемент колорита в этом эпизоде романа). Автор статьи без достаточного обоснования пытается установить родство даже отдельных фраз у Толстого и Минача, например заявляя: «И если слова о «путанице жизни» принадлежат Андрею Болконскому, то фразу: «Теперь всюду неразбериха, все вверх дном» — в романе Минача произносит простой мужик, крестьянин, солдат по принуждению». Разумеется, такой подход неправомерен.

Несмотря на отмеченные недочеты, на спорность некоторых выводов, сборник представляется все-таки достаточно серьезным изданием, помогающим глубже понять значение наследия Толстого в жизни людей нашего времени.

А. САХАЛТУЕВ